

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
Факультет гуманитарных наук
Школа философии

Этика войны и мира

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2016

УДК 172.4
ББК 87.7
Э 901

*Печатается по решению Ученого совета
факультета гуманитарных наук
«Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)*

*Монография подготовлена в ходе проведения исследования
(№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии
на государственную поддержку ведущих университетов
Российской Федерации в целях повышения
их конкурентоспособности среди ведущих мировых
научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ*

Э 901 Этика войны и мира: история и перспективы исследования
/ под общ. ред. Б. Н. Кашникова, А. Д. Куманькова. – СПб.:
Алетейя, 2016. – 200 с.

ISBN 978-5-906823-95-3

Коллективная монография посвящена одной из фундаментальных проблем этики – определению возможности нравственного ограничения войны. В XXI веке, ввиду диверсификации политического пространства, развития различных видов глобализации и интеграции, а также усиления значения асимметричных сил, требуется провести ревизию философских традиций войны и подвергнуть критическому анализу сам концепт войны. В то же время решение поставленной задачи невозможно без обращения к истории идей и понятий. Настоящее исследование особое внимание уделяет темам справедливости войны, ее дискурсивному конструированию, вопросам формирования образа врага и вражды. Монография адресована широкому кругу читателей – философам, историкам, специалистам по международным отношениям и международному праву, всем, кто интересуется проблемами философии войны, этики и политической теории.

ISBN 978-5-906823-95-3

9

7 8 5 9 0 6 4 8 2 3 9 5 3

УДК 172.4
ББК 87.7

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

Глава II

Философия войны в XXI в. — проблемы и перспективы исследования

Михеев В. Ю.

Причины современных конфликтов и методы их урегулирования в концепциях М. Калдор и С. Хантингтона¹

Abstract: *The paper deals with weak and strong points of the paradigms of the “clash of civilizations” of Samuel Huntington and “new wars” of Mary Kaldor. We reveal the main aspects of two concepts on the peacemaking and generation and features of conflicts. Our Investigation demonstrates that Huntington’s paradigm has great potential to predict possible clashes, but Kaldor’s concept has advantages of its own. It is simpler and more practically applicable.*

Ключевые слова: *Хантингтон, столкновение цивилизаций, Калдор, новые войны, этнический конфликт, хищническая экономика.*

Keywords: *Huntington, clash of civilizations, Kaldor, new wars, ethnical conflict, robber economy/*

---

¹Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2014-2015 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Введение

Геополитические трансформации, произошедшие после холодной войны, вынудили исследователей дать объяснения свершившимся в мире изменениям, в частности в сфере этнических конфликтов. Американский политолог и геополитик, профессор Гарвардского университета Самуэль Хантингтон одним из первых попытался сделать это в своей книге «Столкновение цивилизаций» (1996 г.). Его концепция долгое время имела значительный авторитет в миротворческом деле, но вскоре была раскритикована некоторыми авторами за несостоятельность и даже контрпродуктивность. Одним из таких критиков стала профессор Лондонской школы экономики и политических наук Мери Калдор, которая изложила свои взгляды в книге «Новые и старые войны» (1-е издание 1997 г., 2-е — 2012 г.).

В рамках статьи будет проведен анализ обеих парадигм, в ходе которого будут рассмотрены их методологические основы, предложенные в них причины и особенности конфликтов, а также миротворческие технологии, после чего будут сделаны выводы и дана оценка концепциям в плане их применимости.

Устройство мира

Начнем с того, что реконструируем у каждого автора то, как он описывает природу человека и какие движущие политические силы, по его мнению, господствуют в современном мире. Хантингтон исходит из того, что в современном мире идеологические и политические различия между людьми перестали иметь значение. Вместо этого главным источником самоидентификации стали культурные группы, а на самом широком обобщающем уровне — цивилизации. Под цивилизацией понимается «наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности» [9, с. 49], которая в большинстве случаев определяются религией. Каждая из цивилизаций «видит себя центром мира» и рассматривает свою историю «как центральный сюжет истории человечества» [9, с. 71]. Автор выделяет около девяти цивилиза-

ций, среди которых можно назвать западную, православную, синскую, мусульманскую и др.

Основная идея книги, по определению самого автора, заключается в том, что «в мире после холодной войны культура и осознание различной культурной идентичности <...> определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [9, с. 13]. Это связано в первую очередь с процессами модернизации, которые травмируют большую часть населения Земли. Например, в условиях форсированной урбанизации и глобализации в течение жизни нескольких поколений до неузнаваемости меняется мир, рушатся традиционные связи и модели поведения. Поэтому, задаваясь вопросом о своем будущем жизненном сценарии среднестатистический молодой человек (особенно это касается молодых технически образованных мигрантов и горожан первого поколения) находит решение, обращаясь к цивилизационной идентичности, которая в большинстве своем определяется религией. Одним из первых подобные процессы выявил еще классик социологии Эмиль Дюркгейм: он полагал, что «если извне не приходит никакого сдерживающего начала, наша восприимчивость становится для самой себя источником вечных мучений» [2, с. 122], потому что бесцельное состояние, в котором страсти человека никак не сдерживаются, ведет его к усталости и разочарованию. Именно в момент общественной дезорганизации (неважно ввиду кризиса или мощного подъема) общество не может оказать нужное воздействие на человека и он впадает в вышеописанное состояние аномии. Чтобы обрести гармонию, он стремится к внешней регулирующей силе морального характера.

Подобные процессы обретают массовую форму, а политические границы государств стремятся совпасть с культурными, что приносит нестабильность в страны, где совместно проживают представители нескольких цивилизаций. Кроме того, баланс между ними постоянно колеблется, в связи с чем усиление или ослабление одной из них ведет к соперничеству и войнам. Конечно, автор

понимает, что мир намного сложнее и данная модель всего лишь упрощение, но, тем не менее, она позволяет систематизировать реальность, выделить из огромного количества мировых конфликтов самые важные и дать предсказания о будущих событиях.

Проект Калдор резко противоречит парадигме Хантингтона поскольку в ней полностью отвергается «размежевание глобального и локального» [3, с. 367]. В описанном ею мире космополитического управления, благодаря воздействию глобализации, не существует значимых территориальных или культурных границ, но зато присутствует ярко выраженный политический конфликт между теми, кто выступает за космополитические ценности (мультикультурализм, толерантность, соблюдение прав и свобод личности, активное гражданское участие в политике), и теми, кто поддерживает политику идентичности или партикуляризма, т.е. притязает на власть, исходя из интересов своей группы, в ущерб всем остальным.

В мире после холодной войны, глобализация и прорыв в коммуникационных и информационных технологиях поставили под сомнение само существование централизованного суверенного государства эпохи модерна. Эрозия суверенитета привела к кризису монополии государства на насилие и приватизации этого права, что в свою очередь сделало привычный нам тип войн («старые войны») анахронизмом. «Новые войны» уже не ведутся между армиями государств, как во времена Клаузевица, с соблюдением законов войны, т.е. почти не затрагивая гражданское население, но наоборот: акторами в них являются как правительственные, так и неправительственные силы, которые, в первую очередь, воюют против гражданских лиц, подчас намеренно нарушая все законы войны. Этот новый тип насилия представляет собой «комбинацию войны (организованного насилия в политических целях), преступления (организованного насилия в частных целях) и нарушений прав человека (насилия против гражданского населения)» [3, с. 387]. Участниками

подобных войн становятся сторонники партикуляристских сил, а непосредственной жертвой - космополитизм. Непонимание этих процессов, царящее в сфере военных стратегов, чьи действия по выражению Мартина ван Кревельда «следуют из картины мира «по Клаузевицу», которая либо устарела, либо не соответствует действительности» [7, с. 15], мешает миротворческому процессу.

Оба автора согласны, что после холодной войны мир изменился, однако Хантингтон подчеркивает трансформацию в сфере определяющих конфликтность идентичностей, а Калдор — изменение самой формы социальной жизни и детерминируемых ею форм конфликта (появление «новых войн»). В первом случае источником войн является соперничество цивилизаций, а во втором — политика партикуляризма.

Причины конфликтов

Как уже было сказано выше, необходимым условием современных войн по Хантингтону является конфликт идентичностей. Он стоит на примордиалистских позициях, утверждая, что причины конфликтов между народами «коренятся в несхожести людей между собой» [9, с. 405] и что между цивилизациями существуют культурные различия и историческая память о кровавых конфликтах прошлого, которые нередко оживляют чувство страха и ненависти. На вопрос почему среди прочих различий между людьми превалирующими являются именно культурные, Хантингтон отвечает, указывая на такие факторы как: 1) усиление отчужденности и разрушение традиционных устоев в ходе модернизации; 2) сложности в общении с носителями других языков и культур.¹ Однако история и культура сами по себе не являются достаточными конфликтогенными условиями.

---

¹ Против этого аргумента говорит тот факт, что в Боснии до 1991 года господствовала светская культура и все население говорило на одном языке, в то время как поддержку сторонам конфликта оказывали члены диаспор, воспитанные в иных культурах.

Таким дестабилизирующим фактором автор называет изменчивость цивилизаций, выраженную в следующих показателях: 1) изменение демографического баланса — численный рост населения представителей одной цивилизации непременно оказывает давление на другую, в связи с чем, та пытается защитит себя (например, резкий прирост мусульман в Ливане и Косово вызвал столкновения с местными христианами). Особенно взрывоопасной ситуация становится из-за молодежных пиков (когда доля молодых людей достигает свыше 20% от общего населения), т.к. а) увеличение населения ведет к безработице и социальной напряженности; б) молодые образованные люди более политически мобилизованы, а также имеют больше возможностей и ожиданий; 2) идентификационный коллапс — распад таких мультикультурных государств как СССР и Югославия и утрата былой общности заставили жителей этих стран ориентироваться на собственную культурной идентичности, что привело к политическому соперничеству между ними и войнам; 3) вмешательство страны из одной цивилизации в дела другой — независимо от повода, подобные действия приведут к конфронтации со всеми странами этой цивилизации. Например, хотя война в Персидском заливе и была одобрена и даже санкционирована большинством арабских государств, в скором времени в каждой из них общественное мнение сложилось против США, что привело к активизации террористической деятельности [9, с. 397–399]. Кроме того, есть еще одна специфическая причина, присущая самой конфликтной, по мнению Хантингтона, цивилизации, т.е. исламской, — это отсутствие стержневой страны, которая могла бы успешно влиять на миротворческий процесс.

Хантингтон оценивает исламскую цивилизацию как наиболее конфликтную по целому ряду причин. Исламский мир переживает демографический бум, вызвавший небывалый рост мусульманского самосознания, прозванного Исламским возрождением (в 2010 году 1,3 млрд. че-

людей, т.е. 23% населения Земли причисляло себя к этой религии, к 2025 году это соотношение должно достигнуть 30%) [1, с. 63]. Кроме того, среди мусульман популярно мнение о собственной жертвенности, об угнетении их другими странами, в частности США. Кроме названных факторов есть еще одна специфическая причина конфликтности — отсутствие стержневой страны. Это ведет с одной стороны к соперничеству за этот статус, с другой, о чем будет сказано ниже, к неспособности сдерживать конфликты близких в цивилизационном отношении стран с другими цивилизациями. Также Хантингтон указывает на то, что исламской культуре якобы внутренне присуща воинственность (в ней прославляется военная доблесть и «отсутствует концепция отказа от насилия» [9, с. 425]) и тяга к экспансии.

Учитывая концепцию Калдор, можно задаться вопросом: существуют ли в парадигме Хантингтона значимые космополитические силы, которые могут стать альтернативой цивилизационной идентичности? На него американский исследователь отвечает отрицательно: в его теории иные политические мотивы кроме интересов цивилизаций практически не имеют значения. В главе о глобальной цивилизации он настойчиво доказывает, что ее не существует и что в каждой цивилизации присутствует свой набор ценностей, хоть они и могут иногда совпадать. То же, что имеется ввиду под словом «глобальная цивилизация», относится к таким феноменам как: 1) «давосская культура», состоящая из высококвалифицированных специалистов, ученых, бизнесменов и политиков, людей, чье существование не зависит от принадлежности к определенной территории. Однако ее взгляды на Земле разделяет не более 1% людей и потому ею в исследовании можно просто пренебречь; 2) универсализм - попытка Запада защищать свои интересы путем навязывания другим цивилизациям своих ценностей и институтов (права человека и демократию западного типа). Другими цивилизациями

подобное поведение справедливо воспринимается как империализм и политика двойных стандартов.

Лишь в конце книги он вскользь упоминает о том, что кроме цивилизаций есть еще и Цивилизация, представляющая наивысшие культурные достижения человечества. Ее первейшие предпосылки - закон и порядок — в настоящее время оспариваются новым варварством, порожденным мировым кризисом власти. Тем не менее, противостоять ему можно лишь путем сотрудничества мировых держав, носителей партикулярных идентичностей [9, с. 526-527].

В своей книге Калдор довольно резко критикует концепцию Хантингтона. В частности, она указывает на то, что: 1) его утверждения о предрасположенности ислама к насилию и о том, что он представляет угрозу для западной цивилизации, служат интересам тех кругов западного истеблишмента, «чьи средства к существованию зависели от холодной войны» [3, с. 357]. Вполне возможно, что «война с терроризмом», в ходе которой исламский терроризм описывался в терминах, раньше применявшихся для демонизации СССР, инспирирована именно его работой; 2) он рассматривает только изменение межгосударственных отношений, но не принимает во внимание изменения отношений между обществом и государством (трансформации общественных институтов, определения сущности государственного управления); 3) при рассмотрении причин конфликтов он занимает довольно примитивную примордиалистскую позицию, отводя слишком большую роль случайным событиям вроде демографических сдвигов; 4) он скептически и пренебрежительно относится к мультикультуризму и потенциалу США играть роль мирового арбитра; 5) основным субъектом политики у него все еще остается суверенное государство, что опровергается анализом войн в Афганистане и Ираке, где наибольшее сопротивление велось уже после разгрома правительств.

В парадигме Кадлор необходимым условием «новых войн» стало размывание суверенитета государств, вызван-

ное глобализацией и повышением скорости коммуникаций в мире. Однако, вирулентные силы, движимые политикой идентичности, могут вырваться наружу только тогда, когда по ряду причин происходит или близится полный коллапс власти. Такие несостоятельные государства характеризуются неконтролируемостью и фрагментацией инструментов принуждения, что в свою очередь ведет к невозможности собирать налоги и к урезанию социальных расходов. Среди подобных причин можно назвать экономические проблемы (СССР), гибель форм наднационального объединения времен холодной войны (югославизм), а также иностранное вмешательство с последующей сменой режима (Афганистан, Ирак).

Однако почему в ходе дезинтеграции люди прибегают именно к политике идентичности? На это Кадлор отвечает следующим образом: 1) проблемы в экономике принято решать путем резкой экономии бюджета и неолиберальными реформами (уход государственного контроля из рынка — дерегулирование, приватизация), что приводит, особенно в странах с бывшей командной экономикой, к росту безработицы и урбанизации, снижению социальных расходов и неравенству доходов. В подобных условиях значительная часть молодых людей, исключенных из легальной экономики, уходит в параллельную, хищническую экономику (криминал, черный рынок, коррупция) и для оправдания своей деятельности в борьбе за ресурсы нередко использует националистическую риторику. В то же время, успешные космополитические элиты (давосской культуры) вызывают ненависть и зависть у исключенных из экономики. Таким образом, *появляется слой общества, которому выгодно состояние войны*, при которой под предлогом политики идентичности можно безнаказанно черпать выгоду из преступной деятельности. В военных условиях подобные силы цементируются причастностью к военным преступлениям и зависимостью от криминального бизнеса; 2) В условиях экономических и социальных проблем, а также в следствие ускоренной ур-

банизации и разрыва традиционных связей, в обществе возникает *чувство незащищенности, аномичности*, что ведет к усилению роли религиозных групп, бесплатно предоставляющих социальные услуги и дающие простые ответы на вопросы идентификации. В этом аргументе позиции Калдор и Хантингтона совпадают.

С увеличением мощи подобных партикулярных сил с ними начинают сотрудничать административные и интеллектуальные элиты. Усугубить ситуацию может институционализируемая в государстве этническая дифференциация, как например это было в Югославии (кантоны в Боснии) и СССР. Любопытно, но Хантингтон также отмечает роль этого фактора, утверждая, что если бы в этих странах выборы были организованы на федеральном, а не на республиканском уровне, у политических элит был бы мощный стимул «выйти к электорату на основе многоэтнической и полицивилизационной программы» [9, с. 423]. И если согласно опросам в 1990 году 74% боснийцев выступало за запрет националистических партий, которые угрожают «комшилуку» (добрососедству), то с началом политической мобилизации 70% населения отдали за них свои голоса [3, с. 102-103].

Таким образом, по Хантингтону необходимое условие современных конфликтов — это культурные различия между людьми, а достаточное — изменение баланса цивилизаций в результате демографических и экономико-политических изменений. Калдор, в свою очередь, считает необходимыми условиями негативные последствия глобализации и кризис легитимности, принуждающие часть общества уходить в теневую экономику под предлогом защиты партикуляристских ценностей; достаточными же являются экономические проблемы, ведущие к неспособности людей преследовать собственные интересы без нарушения закона и прав других людей.

Особенности конфликтов

Согласно концепции Хантингтона современные конфликты отличаются своей чрезвычайной ожесточенностью и кровопролитностью, а также большей продолжительностью и возобновляемостью. Подобный феномен Хантингтон опять же объясняет различиями между представителями разных цивилизаций, ведь «на кону — фундаментальные вопросы идентичности» [9, с. 405, 407]. Целями сторон в подобных конфликтах является контроль над территорией и изредка над народом, в связи с чем стороны пытаются изгнать или уничтожить противника, применяя для этого террор и этнические чистки. Для конфликтов «на линиях разлома» характерен «синдром родственных стран», т.е. непосредственные участники войны стремятся вовлечь в войну братские страны и многочисленную диаспору и добиться от них поддержки. В связи с этим последние вынуждены продвигать их интересы на дипломатической арене и помогать материальными средствами.

Калдор, рассматривая те же феномены, объясняет их совершенно по-другому, обвиняя Хантингтона в том, что он не замечает произошедших изменений в характере конфликтов и мыслит «старыми войнами».

Во-первых, рассматривая стороны конфликта, Хантингтон не производит никакой разницы между мирным и воюющим населением, из-за чего складывается впечатление, что воюет весь народ. Единственное, что оговаривает Хантингтон, так это деление общества на радикалов, готовых биться до конца, и умеренных (тоже партикуляристов), готовых идти на переговоры: когда страдания и разрушения доходят до определенного уровня, поддержка радикалов спадает, и умеренные силы останавливают конфликт, идя на компромиссы. На это Калдор отвечает, что в новых войнах стороны конфликта ни в коем случае не следует уподоблять суверенным государствам, потому что в войнах нового типа насилие направлено не на поражение военного противника, а на удар по мирному населению другой идентичности. Высокая кровавость этих

войн объясняется не жесточенностью сторон, но специфической военной стратегией политики партикуляризма. Это подтверждается эмпирическими данными, которые указывают на существенный спад в новых войнах боевых потерь и рост потерь гражданского населения (в 90-е годы — почти 80% потерь) и числа беженцев (только в 2010 году число вынужденно перемещенных составило 15,4 млн.) [3, с. 394, 398]. Важно учитывать, что в большинстве современных конфликтов воюет только малая часть населения (например, в Боснии — 6%).

Во-вторых, новые войны в отличие от старых не стремятся «заставить противника выполнить нашу волю», или «обезоружить противника, лишит его возможности сопротивляться» [6, с. 8-9], но их целью является политическая мобилизация на основе идентичности, что необходимо для поддержания децентрализованной хищнической военной экономики, которая живет за счет внешних источников (поддержка диаспоры, международная гуманитарная помощь) и криминального бизнеса (трансфер доходов: мародерство, грабежи, а также контрабанды нефти или наркотиков). Война ведется не из-за национальных интересов, но из-за самой войны, которая дает возможность безнаказанно грабить. С силами же противника воюющие в контакт стараются не вступать, а нередко даже кооперируются с ними ради решения экономических вопросов, торгуя между собой на черном рынке. Для приобретения новых территорий они стремятся создать численное превосходство своего этноса даже в тех зонах, где оно составляет меньшинство, для чего враждебный этнос уничтожается или изгоняется, причем партикуляристы стремятся сделать это наиболее ужасающим способом, чтобы нагнать страх на жителей соседних территорий. Жертвами таких операций в первую очередь становятся сторонники космополитических сил, выступающие за легитимную власть.

Итак, Хантингтон видит причину жесточенности современных конфликтов в непримиримой культурной

вражде, а цели сторон — в контроле над территорией, ради чего на помощь призываются родственные страны. В свою очередь Калдор объясняет кровавость новых войн тем, что насилие применяется по большей мере против мирного населения, т.к. целью боевиков является поддержание хищнической военной экономики, ради которой они осуществляют политическую мобилизацию на основе идентичности и требуют помощи у руководства родственных стран.

Разрешение конфликтов

Позиция Хантингтон в отношении возможности решения конфликтов становится ясной из следующего высказывания: «войны вдоль линии разлома закипают снизу, мир по линии разлома просачивается сверху» [9, с. 488]. По его мнению, такие войны не могут быть остановлены непосредственными участниками ввиду их чрезмерной жесточечности. Не помогут здесь и «бескорыстные личности, группы или организации» [9, с. 477], т.к. у них нет рычагов давления на стороны конфликта. Зато возможность выступить в качестве миротворца есть у тех, кто оказывает поддержку воюющим, т.е. у второстепенных (опосредованных участников конфликта) и третьестепенных (стержневых) стран. Одновременно оказывая помощь партикуляристам, эти страны боятся повредить собственным интересам и быть втянутыми в конфликт со стержневыми странами другой цивилизации. Поэтому главным ключом к приостановлению войны являются переговоры между стержневыми странами.

Однако Хантингтон оговаривается, что речь о полном прекращении конфликта практически не ведется, и время от времени он будет вспыхивать снова, т.к. противоречие идентичностей зачастую трудно решить. Как следовало бы его разрешать, автор не знает, но на основании таких замечаний как: «мирному процессу способствовали происходившие этнические чистки <...>» [9, с. 487] мы можем предположить, что он намекает на цивилизацион-

ную однородность как единственный способ окончательного замирения региона.

Практически вскользь Хантингтон упоминает о необходимости развития многопартийной системы, указывая на то, что национализм и фундаментализм особенно сильно развились там, где раньше существовали авторитарные режимы.

Калдор, напротив, говорит о недопустимости подобного подхода. По ее мнению, многие неудачи миротворческого процесса произошли из-за мышления в категории старых войн. Важно помнить, что новые войны в любой их форме — это конфликт не нескольких национальностей, а борьба партикуляристов против гражданского мультикультурного населения.

Калдор также называет несколько заранее ошибочных способов разрешения конфликтов. Переговоры, инициированные сверху, могут приостановить насилие, но они лишь усугубляет обстановку, т.к.: а) в них участвуют люди, ответственные за насилие, что придает им публичную легитимность; б) компромиссные договоры только закрепляют партикулярные различия, чего, собственно, и добиваются воюющие стороны, тем самым усиливая межгрупповую конкуренцию и сохраняя напряженность; в) у воюющих сторон не хватает ни сил, ни власти, ни желания для выполнения соглашений. Они получают поддержку только в атмосфере страха и ненависти, а средства - из военной экономики, поэтому мирный процесс приведет к потере ими власти, что в их планы не входит; г) на переговорах пытаются мирить воюющие стороны путем разделения по территории, но как раз это приводит к этническим чисткам. Ещё одним неэффективным способом борьбы с войной можно признать операции по принуждению к миру, в большинстве которых силы гуманитарной интервенции или бездействуют, боясь разозлить родственные страны, или применяют избыточную силу, вызывая значительные потери среди мирного населения. В обоих случаях они играют на руку партикуляристам, позволяя им бесчинство-

вать или возбуждая общественный гнев против себя, и теряют свою легитимность. Также контрпродуктивны гуманитарные поставки, т.к. с одной стороны они рушат остатки местного производства, а с другой — поддерживают на плаву децентрализованную военную экономику. Кроме того, представители гуманитарных программ оставляют без работы местных специалистов.

Однако Калдор предлагает несколько вариантов, способных остановить кровопролитие. В первую очередь нужно восстановить в обществе легитимность политических институтов с учетом их работы в рамках верховенства права и вернуть право на насилие легитимному органу власти. Для этого нужно опираться на космополитические силы (НКО, женские союзы, островки цивилизованности вроде боснийского города Тузлы, откуда местное население изгнало националистов), оказывая им защиту и поддержку через транснациональные институты. Миротворцы должны выполнять полицейско-военную операцию по защите мирного населения и, в особенности мультикультурных сил, которые обычно уничтожаются прежде всего. При этом они должны активно разоружать партикуляристов с обеих сторон и судить их как военных преступников. Дабы избежать побочных потерь, лучше вместо бомбардировок проводить наземные операции. Конечно, без гуманитарной помощи обойтись нельзя, но ее следует применять с учетом местных условий и дозировано. Ключевой упор же необходимо делать на программы реконструкции, т.е. воссоздания формальной политической экономики и отказа от сложившейся военной. На практике это требует восстановления: а) органов власти (хотя бы местной); б) гражданского общества, для чего нужны инвестиции в образование и свободные СМИ; в) экономики, в особенности инфраструктуры и производства товаров первой необходимости. Это также позволит реинтегрировать в общество бывших военных и бандитов (например, через программы «Земля в обмен на оружие»). В ходе реконструкции нужно стараться: а) преодолеть сложившееся размежевание; б) оказывать под-

держку локальным инициативам по сближению; в) использовать местных специалистов.

Хантингтон пишет о потенциале стержневых стран к приостановлению конфликтов, т.к. они, в отличие от незаинтересованных организаций, могут оказывать давление на радикальные силы. Однако прекращение конфликтов он видит лишь в цивилизационной однородности. Калдор же считает возможным прекращение войн, для чего необходимо восстановление снизу гражданского мультикультурного общества (в противовес партикуляризму) и централизованной экономики (вместо хищнической). Попытки приостановления войн через переговоры сверху путем раздела территорий лишь сохраняют названные негативные факторы.

Предотвращение конфликтов

Хантингтон предлагает также три принципа, способствующих предотвращению конфликтов. Во-первых, *правило воздержания* — стержневые державы должны воздерживаться от вмешательства в конфликты в других цивилизациях. Во-вторых, *правило совместного посредничества* — стержневые страны должны путем договоров друг с другом сдерживать или прекращать войны по линиям разлома, для чего, например, нужно включить представителя каждой цивилизации в Совет Безопасности ООН.

Третий принцип несколько отличается от риторики всей остальной книги. Это *правило общностей* — «людям всех цивилизаций следует искать и стремиться распространять ценности, институты и практики, которые являются общими и для них, и для людей, принадлежащих к другим цивилизациям» [9, с. 524]. Фраза «всем людям» подчеркивает также, что эти обязанности касаются не только лидеров стержневых стран, но и гражданского общества. В конечном счете, подобное стремление может когда-нибудь привести к созданию универсальной цивилизации, основанной на общих для всех цивилизаций ценностях.

На первый взгляд кажется, что Хантингтон, призывает к космополитизму. Цитата: «В полицивилизованном мире курс на созидание состоит в отказе от универсализма, признании разнообразия и в поиске общих ценностей» [9, с. 522] как будто бы повторяет программу Калдор, если вместо «универсализма» подставить «партикуляризм», а вместо «общих ценностей» или «минимальных нравственных понятий правды и справедливости» [9, с. 521] - защиту прав и свобод человека. Однако именно последнее сделать невозможно, т.к. Хантингтон пытается создать устойчивый мир на планете путем создания общей культуры, в то время как Калдор — путем создания общего политического начала, опирающегося на верховенство закона, свободы и прав человека

Калдор предлагает проект космополитического управления. Он не привязан к какой-нибудь территории и не предполагает создание федерации суверенных государств, но осуществляется совокупностью национальных государств, транснациональных институтов и НКО. В их обязанности входит осуществление «глобального присмотра», в который входит два аспекта: 1) мониторинг и привлечение внимания к нарушениям прав человека и военным преступлениям; 2) осуществление этих прав. Если первая часть уже существует, то вторая постепенно становится реальностью: уже создан Международный уголовный суд, программа ООН «Обязанность защищать» и т.д.

Вместе с тем Калдор снова критикует концепцию Хантингтона. По ее мнению всякий проект безопасности на ограниченной территории (например, в рамках Европы), приведет к появлению стран-аутсайдеров, которые станут благодатной почвой для появления «новых войн». Вместо этого нужно через международные институты осуществлять проект поддержания мира, например через создание транснациональных вооруженных сил. Однако, Калдор несколько упрощенно интерпретирует Хантингтона: хотя он и пишет о необходимости США и Европы вместе защищать западную культуру, но он предполагает, что в будущем потенциал

главных цивилизаций сравняется и они будут вместе сотрудничать. Проект Хантингтона не предполагает постройку своеобразной стены, за которой цивилизованный мир будет отгораживаться от «варварства».

В описанном проекте довольно отчетливо прослеживается кантовская традиция космополитизма. В своих эссе великий немецкий философ утверждал, что в просвещенном обществе должна царить свобода «в делах религиозных» (толерантность), но в то же время, оно должно содержать «многочисленную и хорошо дисциплинированную армию для охраны общественного спокойствия» (верховенство права) [4, с. 34]. Однако недостаточно преодолеть неуживчивость между людьми в рамках государства, для создания гражданского общества необходимо «установление законосообразных внешних отношений между государствами» (создание транснациональных институтов), желательно в виде союза государств, чтобы прекратить тщеславную тягу к завоеваниям и направить силы на воспитание морали в гражданах (инвестиции в образование и свободные СМИ, гражданская инициатива) [5, с. 15–18].

Согласно Хантингтону для поддержания устойчивого мира на земле стержневым странам следует урегулировать конфликты путем переговоров и стремиться к созданию единой толерантной *культурной* общности. Калдор же предлагает систему «глобального присмотра» для создания *юридической* общности людей при культурном многообразии, которая подразумевает мониторинг нарушений прав человека (уже сложилась) и осуществление этих прав (начинает складываться), где участвуют как правительственные, так и неправительственные силы.

Заключение

Фундаментальные различия концепций «столкновения цивилизаций» и «новых войн» выражены в подходе к пониманию природы этнического конфликта. Хантингтон стоит на примордиалистских позициях, согласно которым столкновения между группами происходят из-за непреодолимых культурных противоречий и врожденной

неприязни к чужакам. Позицию же Калдор можно назвать инструменталистской, т.к. она не воспринимает идентичность как причину конфликта, но как инструмент в межгрупповом соперничестве за экономические и политические права [8, с. 627].

Из примордиализма логически должна следовать невозможность разрешения подобных конфликтов. Он может предложить лишь альтернативы, такие как: смягчение последствий войн через принудительное замирение сторон сверху, или снятие возможности противоречий, например через создание культурно однородных политических границ, или через осуществление утопического проекта глобальной цивилизации с единой культурной идентичностью. Инструментализм же будет настаивать на возможности разрешения войн: для этого нужно дать сторонам конфликта возможность удовлетворить свои экономические и политические нужды в рамках закона и жестко пресекать все попытки его нарушить со стороны партикуляристов.

Представляется, что из этих двух концепций для разрешения конфликтов удобнее выбрать ту, которая, по крайней мере, отваживается решать их на уровне причин. Тем более, что справедливость предложенных Калдор мер находит своё подтверждение на практике. Однако мы можем найти положительную составляющую и в концепции Хантингтона, который, описывая задачи своей программы, подчеркивал, что она нужна в первую очередь для систематизации реальности и создания упрощенной модели глобальной политики, которая будет акцентировать внимание на самых значительных явлениях и указывать на возможные области развития конфликтов. И если от задачи разрешения конфликтов эта парадигма с самого начала устраняется, она все же хорошо указывает на возможные точки напряженности. Например, уже в 1996 году Хантингтон предсказывал возможность межцивилизационного конфликта в Украине, Нигерии и Кении, и в правильности этих прогнозов мы совсем недавно смогли во-

очию убедиться. В свою очередь Калдор явно не рассматривает политические прогнозы в качестве цели своего исследования. Таким образом, концепция Хантингтона может эффективно применяться для прогнозирования будущих войн, в то время как парадигма Калдор могла бы послужить миротворческой миссии, особенно при условии ее превентивного использования в зонах возможного развития конфликтов.

Литература

1. *Браницкий А. Г., Корнилов А. А.* Религии региона. - Н. Новгород: ННГУ имени Н. И. Лобачевского, 2013. — 305 с.
2. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. — 213 с.
3. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 413 с.
4. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение?// Кант, Иммануил, Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: «Мысль», 1966. — 799 с.
5. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане.// Кант, Иммануил, Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: «Мысль», 1966. - 799 с.
6. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Госвоениздат, 1934. — 874 с.
7. *Кревельд, М.* Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — 344 с.
8. *Тишков В.* Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы (вместо заключения) // Этничность и религия в современных конфликтах М.: Наука, 2012. С. 627-650.
9. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций М.: АСТ, 2007. — 571 с.

Аннотация: Предметом изучения данной статьи является анализ сильных и слабых сторон парадигм «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона и «новых войн» М. Калдор. В работе будут представлены основные аспекты обеих концепций по вопросам происхождения конфликтов, особенностям их протекания и миротворческим технологиям. В ходе исследования был сделан вывод, что концепция Хантингтона имеет большой потенциал по выявлению возможных конфликтов, однако для понимания их природы и разрешения удобнее пользоваться парадигмой Калдор.

Сведения об авторе: Михеев Владимир Юрьевич, студент 3 курса школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.